

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

26-ая НОЧЬ

Вечность после

Пелевина Катерина

**Двадцать шестая
ночь. Вечность после**

«Литнет»

2024

Катерина П.

Двадцать шестая ночь. Вечность после / П. Катерина —
«Литнет», 2024

Тринадцать лет я не могла принять свои чувства к лучшему другу. Он лишил меня девственности, научил любви и навеки лишил сомнений в своём выборе. Пока с нами не случилась беда. Нас разделили не только обстоятельства, но и время... И помимо общего секрета, у нас теперь множество других друг от друга. Мы не виделись полгода... За это время я успела умереть несколько раз. А он... Кажется, он вернулся, чтобы окончательно меня доломать. Ведь в отличие от меня, ему всё равно. Я больше не его Милана... Не его любимая Жар-птица... История Миланы Жаровой и Гордея Ярового. Первая книга - «26 суток с тобой» Содержит нецензурную брань

© Катерина П., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2.	13
Глава 3.	17
Глава 4.	21
Глава 5.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

Первая часть книги здесь - <https://litnet.com/shrt/t1Rw>

Привет...

Жар-птица

– Милан, если что, завтрак на столе...Сегодня...Пойдёшь? – осторожно спрашивает взволнованная мама, наполовину выглянув из-за двери, но я молчу.

В последнее время я очень много молчу. Особенно дома. Пожалуй, мне хватает моего психолога, к которому меня направили вовсе не из-за «изнасилования». Нет...

После двадцать шестой роковой ночи меня отвели к гинекологу. Убедились, что я уже не девственница. Что имеются разрывы и прочее, ведь мы слишком увлекались, пока были вместе. Слишком забывались и немного превышали допустимую норму. На теле имелись кровоподтёки и синяки. Зафиксировав всё это, мать схватила меня за горло своим поступком. Она душила так сильно, что я перестала чувствовать своё тело. Я от него отказалась.

А спустя неделю жутких снов и жизни без Гордея у меня случилась первая паническая атака...

Знаете то чувство, когда тебя окружает одна боль...Когда ты чувствуешь, что вот-вот умрёшь, что тебя не станет, а причины этому ты не знаешь. Не можешь ничего сделать. Предотвратить страх и мучения. Только думаешь, что не сможешь больше дышать. В голове при этом стоит болезненный шум, уши закладывает. Всё тело словно прощается с тобой. В такие моменты мои мысли в том самом доме.

Я не проснулась тогда от прикосновений Гордея. Нет.

Я всё ещё в том доме, где меня насилуют снова и снова...А Солнце отнимают у меня раз и навсегда.

В такие моменты я там умираю.

Это случилось тогда впервые. Я уже тогда понимала, что со мной что-то не так.

И только после того, что произошло, мама отстала. Психолог рекомендовала ослабить давление и родители, как ни странно, послушались.

Только вот...

Мне ничего из этого не помогает. Ни таблетки, ни психотерапия. Ничего...

Я не видела Гордея уже долгих полгода.

По слухам, он отдыхает в Азове и решил остаться там навсегда. Сейчас зимняя сессия. Я хожу в университет, но порой приходится пропускать занятия.

Всё зависит от того, позволяет ли туда идти моё состояние.

Если он перешагнул всё, если справился, я за него искренне рада.

Тогда как сама...

Сломана настолько, что и не собрать вовсе. Скорее всего, никогда.

Однажды психотерапевт сказала мне, что депрессия – это не тогда, когда человек грустит или страдает. Это когда человек забывает про естественные нужды. Не стремится восполнить что-то в себе. Не реагирует на окружающий мир. Иными словами, то, что происходило со мной было настоящей депрессией с частыми проявлениями панического расстройства.

Вспомнить о себе помогли только таблетки, но приступы оставались. Хотя до этого я даже не ела. Похудела до сорока трёх килограмм. Превратилась в ходячий скелет. Серая кожа, синяки под глазами, вечная усталость. Меня часто рвало. Я думала, что забеременела тогда после всего, но это был стресс. Месячные приходили с перебоями. То, во что я превратилась не было похоже на ту прежнюю Милану. От той лучезарной бойкой девочки не осталось и следа.

Порой я приходила на учёбу, только потому что туда за руку вели родители. Меня собирала сама мама. Я ведь не могла даже одеться и расчесаться. Не брала в руки зубную щетку.

Мне ничего не хотелось. И даже там я смотрела в одну точку, словно находилась вовсе не среди людей... Словно ничего вокруг не существовало. Это и был мой разрушенный мир, от которого остались лишь осколки.

Я знала только одного человека, который бы помог мне справиться с этим, но его рядом не было. Я сама его прогнала. Сама позволила всему случиться.

Эрнест Хемингуэй однажды сказал: «Если двое любят друг друга, это не может кончиться счастливо».

Это о нас? Это то о чём говорят великие и травят душу своими словами?

Грош цена такой любви, которая ломается о время и пространство.

Мы с тобой – время. Мы с тобой – вечность.

И я никогда этого не забуду.

Каждый день проклиная ту двадцать шестую ночь. Я каждый день мечтаю проснуться и узнать, что все эти полгода – просто дурной сон. Что ничего этого не было. Есть мы... И мы неразделимы.

Собравшись, я вновь еду в университет с отцом. Он молчит. Я тоже.

Выхожу и следую в корпус как на автомате. Ни на кого не смотрю, ни с кем не разговариваю. Хотя в последнее время со мной всё чаще общается наша тихоня Шура. Раньше мне казалось, что она странная, но после всего я поняла, что странные все остальные. Она же... Спокойная, тихая и понимающая. Порой она просто сидит рядом и молчит, взяв меня за руку. Этого достаточно, чтобы я ощутила, что в мире есть кто-то, кто не станет лезть внутрь тебя и вытаскивать что-то, если ты не позволяешь. Этого достаточно, чтобы я хоть на секунду чувствовала себя живой.

– Слышали, Яровой возвращается, – шушуканье сверху подобно молнии прямо в сердце. Может мне это просто снится... А может от таблеток что-то слышалось...

Порой у меня такое бывает.

– В смысле? Он ведь забрал документы... Ты сама же говорила! – выдаёт Валеева в ответ возмущенным тоном.

– Я так думала, но нет. Писал что-то вроде по семейным обстоятельствам. Но говорят, что возвращается... Он писал Кристинке.

– Ой, а эта чё... Не в курсе что ли... Сидит ни живая, ни мёртвая. Она на наркоте что ли? Как зомбарь, блин... Жутко... – добавляет ещё одна одногруппница.

– Да хрен её знает. После лета такая. Обдолбанная.

– Заткнитесь! – выдаёт Саша, обернувшись, а я всё по-прежнему молчу.

Внутри целый ураган начинается.

Я ведь думала, что он уехал...

Что не вернётся больше. Что не будет внутри всё нитями расходиться, едва услышу его фамилию.

Нет, только не это... Только не сейчас...

– Можно выйти? – поднимаю руку, пока в голове бешеными импульсами всё пульсирует, а грудная клетка на части разрывается. Ещё секунда... Ещё...

Нужно срочно отсюда исчезнуть. Или исчезнуть вовсе...

– Да что ж такое... Выйдите, Жарова, – вздыхает преподаватель, и я вылетаю оттуда, удравшись плечом о косяк, потому что не могу держаться на ногах. Слышу хохот и вздохи за спиной. Плевать. Мне на всё плевать. Ладонями ловлю шершавую стену... По ней иду, волоча деревянные ноги. Не вижу перед собой ничего и вдруг понимаю, что Саша вышла за мной следом.

– Милан, я помогу... Сюда, идём, – она помогает мне зайти в уборную, а я валюсь на пол и вжимаюсь в стену, пока она закрывает дверь. Руки сами тянутся заткнуть уши от этого нестерпимого гула. Не могу вдохнуть воздуха. Вся душа снова становится песком в моих руках

и рассыпается на крупички. Я умру... Сейчас умру... Сейчас сердце остановится и всё. Всё прекратится. – Дыши... Дыши, Милана... – Саша открывает окно, но я этого даже не вижу, только чувствую морозный воздух, скользящий по полу. Дуновение ветра. И меня трясёт так сильно, будто внутри все двенадцать баллов по шкале Рихтера. – Я здесь. Я с тобой.

Тёплые пальцы сжимают мою руку. Боже, что бы я вообще делала, если бы Шура не начала со мной общаться?

Я бы, наверное, оказалась в клинике для умалишённых...

Точно... Мне там самое место.

Отойти получается только через десять минут. В дверь уже стучат. А Сашка помогает встать и подойти к раковине.

– Всё будет хорошо...

– Почему ты вообще за мной ходишь? Зачем? – спрашиваю дрожащим голосом, включая прохладную воду. – Тебе мало проблем? Со мной их будет только больше.

– Я просто хотела помочь. Но если тебе не надо, ладно, – отвечает она, направившись к двери, однако я останавливаю.

– Саш... погоди... Я знаю. Извини меня... Все мысли перекрутились. Я не хочу тебя обижать. Просто всё плохо.

– Я это уже поняла. Но нужно возвращаться в аудиторию... Леонид Юрьевич будет скандалить. Не будем его провоцировать. Не слушай их. Они же дуры.

– Я не буду слушать... Просто всё навалилось.

– Из-за Гордея? – спрашивает она, но я молчу, глядя ей в глаза. Мне кажется, у меня на лице всё написано. Но я никогда не смогу ни с кем о нём говорить. Больше никогда.

Она просто вздыхает и ждёт меня, а потом мы возвращаемся обратно.

Естественно, новой порции обсуждений не избежать, но я уже не слушаю, что творится на задних рядах. Вставляю наушник в ухо и включаю музыку. Только так смогу справиться. Только так смогу не реагировать ни на что вокруг...

Бей так глубоко, как только можешь, я всё выдержу. Всё.

– Всё это ерунда, девочки. Вот вырастете, спасибо мне скажете. Тянитесь как следует. Посмотрите на Жарову. Идеально гнётся.

Я сейчас меньше всего хочу, чтобы меня хвалил тренер по аэробике. Точнее, вообще не хочу. Просто механически исполняю то, что она велит. На всё остальное мне наплевать. Естественно, остальные недовольно фыркают.

С момента того слуха прошла уже неделя. И слава Богу, это оказалось лишь сплетней. Я бы не пережила. Не смогла бы видеть его вновь. Просто не выжила бы с ним в одном университете. А так, мне осталось потерпеть здесь полтора года и всё. Конец всему. Я уеду из этого злосчастного города, каждый миллиметр которого напоминает мне о нас. Я уеду... Я навсегда забуду. Отпущу...

Заканчиваю тренировку вместе со всеми, а потом иду в раздевалку.

Собираю волосы в небрежный хвост, переодеваюсь, пока Валеева, Аносова и прочие обдают меня своими противными прожигающими взглядами, но не ведусь на это. Внутри и так пепелище. Зачем усугублять?

Выхожу оттуда молча, закинув рюкзак на плечо и накинув капюшон на голову. Как обычно, смотрю себе под ноги, уронив пустой взгляд вниз. В последнее время я везде хожу именно так.

Следую по длинному коридору в сторону своей аудитории. Следующей парой будет «философия». И когда до кабинета остаются считанные метры, врезаюсь телом и наступаю кому-то на ногу. Даже от этого пульс зашкаливает, а колени подкашиваются. Поднимаю глаза, а мысленно наоборот падаю в пропасть...

Потому что это ОН.

И он совершенно не реагирует на меня. Мы будто и незнакомы вовсе.

Я это по его лицу вижу. Оно как камень. Всё такое же красивое и родное, но не живое вовсе. Волосы коротко подстрижены. Плечи расправлены. В глазах нет ничего, что я видела раньше... Бескрайняя темнота.

– Привет..., – шепчу еле слышно, но Гордей и ухом не ведёт, просто идёт дальше, куда шёл, словно я – тень, никто для него, а потом мужская фигура исчезает за углом, пока я только пытаюсь прийти в себя от раздирающего душу чувства, что ему совершенно точно плевать на меня, чего конечно же не скажешь обо мне...

Я всё так же люблю. Всё так же ненавижу себя и то, что пришлось сделать с нами.

Всё так же... Умираю внутри. Без него...

И сейчас, глядя ему вслед, ощущаю новый невероятно сильный приступ агонии, незаметно и подло подкрадывающийся прямиком к моему израненному сердцу...

Глава 1.

Жизнь без испытаний – это не жизнь.

Жар-птица

Кое-как справляюсь с приступом паники, но в универе больше не остаюсь. Семимильными шагами убегаю оттуда и несусь в сторону старого школьного сарая. На улице идёт снег, а я хочу там побыть. Только то место делает меня сильнее. Только там я всё ещё чувствую, что мы вместе.

– *Что это за халупа?*

– *Глупая, это же тайник. Здесь можно хранить всё самое сокровенное. Здесь кроме сторожа никто не бывает, да и тот только берёт инвентарь. Уже сто лет здесь никто ничего не трогает...*

– *Откуда ты знаешь, Солнце?*

– *Оттуда...Знаю и всё. Смотри... Это мамино и папино.*

Подхожу к высеченным на деревянной поверхности отметинам.

Е и А...

– *Они тоже здесь учились?*

– *Да...В одном классе, Миланка. Прямо как мы...*

– *Выходит, и дружили?*

– *Нет, у них дружбы не было. Они, вроде как наоборот, всегда ругались, – подытоживает он, достав из кармана маленький перочинный ножик.*

– *Ух ты! Дай мне! – необдуманно и неловко выхватываю его из рук.*

– *Стой! Ты чего? Порежешься ведь...Ну вот... – Гордей смотрит на моё обиженное надутое лицо, а потом на порез на моей прохладной ладони, нежно взяв её и нахмурившись.*

– *Дурочка. Болит?*

– *Нет, – вру, а на глазах наворачиваются слёзы. И это нам по восемь лет...*

– *Дай подую... Не ной только, нытик, – улыбается, а я вырываю руку, ещё сильнее надув губы, и он щёлкает меня по носу. – Возьми...Сама сделай. М и Г, идёт?*

– *Угу, – бубню себе под нос и начинаю выковыривать замысловатые завитки...*

Столько лет прошло, а они всё тут... Непокрашенные нетронутые... Совершенно не поблёкшие...

Наши с ним М и Г...

Сжимаю ладонь в кулак и сажусь на лавку, выдыхая пар себе под нос. По щекам катятся слёзы, как бы они не превратились тут в льдинки.

Моя любовь не просто жива, она меня с потрохами съедает... Царапает и царапает сердце маленькими коготками, как будто незначимо, а на самом деле так даже больнее. Ведь это чувство постоянное. Лучше бы один раз...Лучше бы один раз лезвием и навсегда...Но нет...

С тобой так не бывает.

Ведь ты создан, чтобы причинять мне боль. Ровно, как и я тебе...

Домой возвращаюсь к намеченному времени. Как бы не застудиться с такими прогулками...Мне хватает проблем со здоровьем.

Отец контролирует моё возвращение, приехав с работы раньше положенного. Я молча следую к себе в комнату. Уже там достаю телефон и украдкой лезу на страницу Гордея. Я знаю, что он не заходил туда уже полгода, скорее всего, у него есть новая, но о существовании её я не знаю, поэтому смотрю его старые фото...Наши фото...В груди всё щемит. Вспоминая каждый день, проведенный с ним, думаю только о том, как безумно скучаю. Как хочу всё вернуть...Как мне не хватает его...

Рук, тепла, голоса, смеха... Признаний, шуток, разговоров о вечном, о главном, о том, что не даёт покоя. Я бы ему всё рассказала, как раньше... Я бы поделилась своей болью и его бы боль разделила. Мы бы справились, но столько воды утекло...

Идиллию нарушает вернувшаяся мама.

– Как прошёл день?

– Нормально, – откладываю телефон в сторону.

– Это хорошо. Милан... Мы хотели отметить День Рождения отца в субботу в ресторане.

Ты сможешь мне выбрать наряд?

– Да, помогу, – сухо отвечаю, на что мама кивает. Боится заводить со мной разговор.

– Ты завтра идёшь к Ангелине Викторовне? – спрашивает меня про психолога, и я соглашаюсь одним кивком.

– Хорошо. Я тебя люблю, дочка...

Молчу в ответ на это. Уже полгода не говорила родителям, что люблю. Что хоть что-то к ним чувствую. Поняв, что снова не дождётся, мама выходит из моей комнаты, а я погружаюсь в сон, сжимая в руках свою подушку...

– Не успел приехать, уже с двумя замутил, прикиньте... Боже... Ну, Кристинка там конечно виснет на нём, просто оторваться не может, стерва, – заявляет Валеева, пока я смотрю в одну точку. Боже, как же хорошо, что я не учусь с ним на электротехническом... Как же невозможно хорошо.

– Жарова... Милана? – зовёт меня преподаватель по «Философии».

– Да?

– Вы здесь? Витаете где-то, как всегда. Поведайте нам, в чём же сущность рационализма?

– В разуме...

– А знаете представителей?

– Штраус, Декарт, Гегель...

– А кого же можно считать основоположником?

– Сократа конечно. Того, кто свято верил в то, что жизнь без испытаний – это не жизнь, – отвечаю, глядя Валентину Антоновичу в глаза, на что он отводит взгляд в сторону. Кажется, он понимает, что со мной что-то происходит...

– Достаточно. Хорошо. Слушайте лекцию, – продолжает он, а я снова роняю уставшую голову в тетрадь, отчего Сашка рядом вздыхает.

– Не обращай внимания. Они цепляются, потому что ты сидишь в капюшоне... – хихикает она, а я вдруг осознаю, что реально сижу в капюшоне, но никто даже не сделал замечания на этот счёт.

Не хочу думать о том, что в этом корпусе сейчас где-то ходит любовь всей моей жизни... Не хочу это знать. Дожидаюсь конца пары и пулей бегу на следующую. И так до конца недели.

Слава Богу больше я на Яра не натыкаюсь.

А в пятницу спокойно прихожу домой и укладываюсь на кровать, измученная этой жестокой неделей.

Слышу звук оповещения в телефоне. Не сразу реагирую, но потом всё же смотрю. Новое уведомление, свидетельствующее о том, что Гордей сменил аватарку в социальной сети. На ней новое его фото, сделанное судя по всему совсем недавно. Узнаю его стрижку, точнее, короткостриженный затылок, хоть и лица почти не видно. Судя по всему, кто-то фотографировал его со стороны.

Проваливаюсь вглубь страницы и вдруг понимаю, что все наши фото исчезли. Все до единого. Удалена информация о себе. Удалено всё, что напоминало бы о нас. А в статусе стоит какая-то дата. Не его день Рождения, не родителей. А скорее дата спустя неделю после нашего

расставания... Ну надо же... Именно в этот день и случилась моя первая паническая атака... Именно в эту дату... Да, это точно она. Очень странно, но может это что-то личное.

Личное... Как и у меня. Что больше никогда не станет нашим общим.

Видеть всё это и пропускать через себя больно. Однако ощущение, что если ему так лучше, делать вид, что меня не существует, что и не было нас, значит так тому и быть...

Я уже и так не чувствую перерывов от боли... Она слилась в монотонную тягучую субстанцию внутри.

Так что же может снова ранить?

Хочу рассмотреть фото поближе, но вдруг понимаю, что под ним появился комментарий.

Кристина Аносова: «Яровой, мне тебя долго ждать?» с сопутствующим плачущим смайликом.

Яровой Гордей: «Ща буду, детка. Готовь свою роскошную упругую задницу»...

Эти слова меня не просто калечат. Вот они-то почему-то разрывают, оставляя от меня лишь жалкие ошмётки. Последнего вдоха лишают...

Смешно, верно?

Точь-в-точь как мне когда-то... Говорил мне эти слова, будто единственной. Будто только мне... Быть может, и «малыш» её уже называет... Да что мне это «может», конечно называет.

И конечно он так же мил с ней. Конечно ласкает и нежничает...

Быть может даже любит...

«Нахер мне эта силиконовая»... Звучит на подкорке. Сознание все фразы помнит, словно откладывает в отдельное хранилище. Всё, что связано с ним...

Подлый лжец... А я ведь ни на кого так и не смотрела... Ни о ком больше не думала... Ни с Лёшей не говорила после лета, ни с тем же Максом. Вообще ни с кем из парней. А он сразу же, не успев вернуться... Как же мерзко... Как же больно.

Уехал от меня, как только я прогнала. Даже не попытался искать встреч после этого. Даже не написал ни единого сообщения... Хотя бы слов прощания... Не думал выяснить настоящую причину...

Свалил в свой Азов... Отдыхал там... Пока я умирала здесь... Без него... Ненавижу...

Имею ли я право так думать? Имею ли право злиться?

В груди так сильно яростно болит, что хочется разбить свой телефон, а после я и вовсе вижу, что исчезла из его друзей. Просто одно нажатие кнопки и страница для меня скрыта...

Спасибо, Солнце... Спасибо, Яр... Я бы сама никогда не смогла этого сделать.

А ты, хоть и с мясом, но меня от себя оторвал.

Поздравляю... Если так легче, я схаваю.

Если так справедливо – за всё отвечу...

Снова ощущаю боль в грудной клетке и плачу, забившись в угол.

Оно разрастается...

Чувство ужаса и всепоглощающей тревоги. Умираю, умираю... Снова умираю...

И начинаю стучать головой об стену. Хочу, чтобы прекратилось. Хочу, чтобы меня отпустило. Но...

Бам...

И с моей полки прямо передо мной падает хрустальный лебедь, рассыпаясь по полу сверкающими осколками... Тот самый лебедь, которого он когда-то мне подарил...

Самое верное существо, которое только может существовать в природе. Символично... Жестоко... Оглушающе.

«Лежит у меня в коробке под кроватью с остальной сопливиной, что я готовил для тебя».

Прощай, наша вселенская связь, прощай, сердце... Прощай, Солнце.

И чувство, будто я вот-вот умру снова настигает со свирепым напором... В груди не просто давит, в груди неистово разрываются рёбра. Будто через мягкие ткани прорывает, и я кусаю

свою руку до боли. Так сильно кусаю, что оставляю след зубов и чувствую кровь... Только так отпускает, только так перестаёт болеть там. Внутри.

Перед глазами стелется морок.

На звуки прибегает отец, в ужасе отрывая меня от пола. Что-то кричит, маячит, мельтешит перед лицом, но я не реагирую, потому что уже начинаю отключаться...

Глава 2.

Так ведь не смотрят, когда плевать?

Жар-птица

– Пить... – прошу тихим задушенным голосом, и вижу, что мама тут же подпрыгивает на месте. Белые стены. Больница... На ней медицинский халат. Всё гораздо хуже, чем я могла представить. Рука саднит...

– Милан... Малыш, как ты? Сейчас... Сейчас дам воды, – она тянется за стаканом и зовёт медсестру.

Та прибегает, что-то переключает. Сразу понимаю, что мы в каком-то частном учреждении, уж слишком приторная, словно сахар на зубах, палата и много показной суеты вокруг меня.

– Ты скоро поправишься... Мне жаль, – шепчет мама, взяв меня за руку, пока я заливаю в себя воду, словно в сухую землю.

– Ещё, пожалуйста... Что произошло?

Ненароком бросаю скользкий взгляд туда, где всё ещё болезненно пульсирует и жжёт. Вижу слезы зубов. Прокусила предплечье...

Отлично, чёрт возьми... Просто отлично.

– Новый приступ... Ты слишком... Слишком перенервничала... Милан... Скажи мне, детка... Что тогда случилось? Почему это всё происходит с тобой... Ведь даже Ангелина не может понять в чём дело...

Потому что я никогда и не рассказывала Ангелине правду... Вот почему.

Потому что вы с отцом сломали меня. Потому что забрали у меня его. Потому что угрожали. Потому что я его люблю, чёрт тебя дери, мама! Сильнее себя. Намного сильнее! Потому что вы разорвали нашу связь по живому! А теперь ты спрашиваешь, что тогда произошло... Господи, как же тошно...

Внутри всё кипит. А снаружи...

– Со мной всё нормально, мама, – прерываю я её. – Можешь оставить меня. Сколько я здесь пробуду?

– Врач рекомендует три дня.

– Прекрасно, – отвечаю, отвернувшись лицом к стене. Не хочу видеть.

Ничего к ней не чувствую. Не хочу даже спрашивать, где мой телефон. И она уходит, оставив меня одну.

А все эти три дня я пытаюсь повесить оковы на свои чувства. Обуздать их. Овладеть собой. Но всё время вспоминаю то, что было между нами в доме.

Не только плохое, нет...

Всё чаще вспоминаю хорошее.

Как Гордей прижимал меня к себе. Как сильно и отчаянно он любил. Защищал. Ценой своей жизни защищал...

Как с жадностью зверя целовал. Как хищно смотрел. Как сжимал, как брал. Как безысходно сражался с моими установками. Как перекодировал меня под себя. Полностью перепрошил... Словно жёсткий диск. Не оставлял выбора. Сделал меня своей... До самого основания. До его чётких границ, которые сам же изначально стирал. А потом каждый мой край, каждая точка, каждый закуток стал его... Он меня присвоил.

Кому-то очень повезет, ведь он поистине умеет любить. Громко, импульсивно... До боли в рёбрах и сорванного горла. Он такой... Сильный. И яркий, как Солнце...

Это то, что не перечеркнуть. Но...

Он ведь как-то смог это сделать... Вырвать всё из груди. Забыть... Свернуть. Значит, и я смогу. Значит, и мне нужно.

Идти дальше. Забыть. Думать о себе и своих чувствах. Иначе я просто перестану существовать. А чем же это отличается от самоубийства? Ничем...

Нужно перешагнуть...

Я сильная. И я иду дальше...

Через три дня выхожу из больницы. Ещё через два возвращаюсь в университет со справкой. Пока иду туда, стараюсь не смотреть по сторонам, но всё равно вижу Гордея с Кристиной, подъезжающих к корпусу на новой машине. Не знаю, что случилось со старой. Наверное, родители решили порадовать его новым подарком.

Он забрасывает ей на плечо свою длинную мощную руку и жмёт к себе, а у меня в груди всё разрывается. На тысячи... Нет. Десятки тысяч осколков. Не собрать... Не склеить обратно. Часть их уже не вернуть. Они безвозвратно утеряны в беспринципности и серости суровых реалий.

Господи, как же болит. Когда пройдет?

Когда я смогу нормально жить...

Я тоже хочу быть как ты...

Я тоже хочу выдавить всё, что скопилось в груди и связалось в порочный узел. Но сначала нужно развязать...

Не успеваю подойти к корпусу, как мой путь перегородивает тот самый Максим Ретушин. Я настолько отвыкла от людей, что чуть ли не подпрыгиваю, испуганно вздрогнув, а он, как всегда, нахально обхватывает за локоть и тормозит меня возле парковки. Парень он не маленький. Очень даже крупный. Всё же они с Гордеем оба нападающие в их футбольной команде.

– Приветик... Ты чего? Всё нормально? – спрашивает, когда я хмурюсь. Он не просто мне не нравится, после того раза, меня от него буквально тошнит.

«Ты и вправду целка, хочешь я это исправлю»...

– Не трогай... – пятась, отхожу назад.

– Да релакс, – вскидывает он руки, а потом небрежно просовывает их в карманы джинсов.

– Хотел спросить, как дела? Давно не общались. Ты что-то похудела совсем...

Какое ему вообще дело?

– Со мной всё нормально, – отрезаю грубо. Я совершенно не настроена с ним общаться. Плевать я на него хотела.

Мне кажется, у меня на лице всё написано. Отторжение, злость, отрицание.

– Да не воспринимай ты в штыки, – говорит он, пока я продолжаю стоять перед ним и недоумевать, какого вообще чёрта?

Заглядываю через его плечо и вижу, что Гордей неотрывно смотрит в нашу сторону. Не знаю, что значит этот взгляд, но по коже тут же пробегает ток, мучительными импульсами проникая в самое сердце. Будто чувствую электричество всем своим телом. И оно не щадит, а только нарастает. А Макс будто назло смотрит туда же. Словно мы с ним именно о Гордее разговариваем... Чтобы он это понял... Чтобы не Бог весть что подумал.

– Вы с ним типа в ссоре? Знал бы, подкатил к тебе раньше, – лыбится это ничтожество, пока я сверлю его взглядом. Неужели он реально думает, что хоть чуть-чуть мне интересен? После того, как я вытирала губы на стадионе и сплёвывала после него слюну... Это какое же нужно иметь самомнение, чёрт возьми...

– Мне некогда этим заниматься, извини, – огибаю Максима и мчусь напрямик в университет. Не хочу ни говорить, ни как-то иначе контактировать. Вообще ничего не хочу. Мне не нужен парень. Мне не нужна любовь. Она приносит только боль.

Отношения её приносят. А я достаточно настрадаюсь. Хватит.

Сажусь за парту и молча пытаюсь переварить то, что произошло, но потом вижу переполненную Сашку, которая стремится поскорее занять своё место. Плюхаясь на соседнее, она громко надсадно дышит и пытается перевести дыхание.

– Боже, дурдом какой-то, – щебечет она, снимая с себя шапку и шарф. – Чуть не зашибли.

– Ты о чём, – практически равнодушно спрашиваю я, вырисовывая на полях тетради какие-то крестики.

– Да Ретушин и Яровой. Разодрались прямо на входе в корпус. Я мимо пробежала, чуть не снесли меня. Ужас какой-то... Не успел приехать, уже вносит раздрай в нашу среду... – она смотрит на мой удивленный взгляд и тут же хмурится. – Извини... Мне не стоило...

– Всё нормально... Значит, подрались? Сильно? – спрашиваю, но уже слышу гул девок, которые заходят в аудиторию. Чуть ли не с присвистываем обсуждают, что произошло. Конечно. Они те ещё любители посплетничать. А если касается Ярового, так порой ощущение, что они работают в Нью-Йорк Таймс и пишут о нём статьи.

– Гордей, как всегда, – выдаёт Валеева с неким восхищением. – Тронули его, вот и взбесился.

– Да? А что такое? – подключается Третьякова. Смотрит на подругу так, словно сейчас облизнет ей лицо.

– Так к Кристинке же Макс клеился, – заявляет та восторженно. – Ну тогда, на вечеринке, помнишь?

– Так это когда было...

– Ну и что? Узнал, да втащил ему... Видела, как сильно? У Макса, похоже, сотрясение точно будет...

– Жеееесть, – выдаёт последняя.

Я же... Просто продолжаю выводить свои крестики. Кажется, что это почти кресты на моей вымышленной могиле. И меня втаптывают всё глубже в твёрдую промозглую землю.

Наивная дура. Этот Ретушин ведь реально ко всем подряд лезет. Наверное, Кристина рассказала Гордею и поэтому он его побил. А я-то тут начала думать... Боже мой... Как же стыдно.

Глупая. Глупая Милана. Ему плевать на тебя. Вообще плевать. И тебе должно быть плевать.

Когда начинается пара, я просто вспоминаю его взгляд. Это даже не злоба... А какое-то отчаяние... Или же... Ревность, но чем-то приправленная. Разочарование? Возможно... Боль?

Так ведь не смотрят, когда плевать. Нет, так определенно не смотрят...

Так себя не ведут...

Как ребёнок за раз удаляя все фотографии. Убирая меня из друзей...

Господи. Конечно нет...

Нет, я не могу это вытерпеть.

Я должна просто спросить у него... Просто хоть на секунду спросить, как у него дела. И что это было...

Это ведь не запрещено, верно?

Плевать. Мне на всё плевать. Я просто спрошу.

– Можно выйти? – тяну руку, игнорируя даже то, что преподаватель не в настроении.

– Жарова... Да сколько ж можно?! – возмущается он. Так получается, что я всё время спрашиваюсь именно у него на паре. – Идите.

Пулей выбегаю из аудитории и несусь... Несусь навстречу ветру в сторону расписания. Смотреть, где там у Ярового сегодня проходят пары.

На всех скоростях влетаю в деканат и...

Вместо расписания врезаюсь в дверях прямо в его разгоряченное твёрдое тело... Гордей прихватывает руками за плечи, словно на автомате. Горячие ладони прожигают через одежду,

пальцы чуть сжимают, демонстрируя власть. Он не даёт упасть. И смотрит прямо в глаза своими омутами...

Я перестаю дышать...

Разряд.

Остановка сердца...

Глава 3.

Зачем ты так?

Жар-птица

Он всё ещё смотрит. Не так как раньше, но... Всё равно особенно. В его взгляде я теряю все ориентиры. Чёрные, как смоль, глаза не щадят. Не лечат. На этот раз они меня живьём топят, словно маленького незащищённого котёнка.

– Яровой, надеюсь, ты всё понял!? – грубо твердит ректор, выходя из-за угла, на что он лишь выпускает меня из рук и поправляет лямку рюкзака на плече, глядя на неё жестоким беспринципным взглядом. Уверена, ему, как всегда, плевать на чужие нравоучения. – Свободен. Вам чего, Жарова?

Пока меня спрашивают, Гордей уже вылетает оттуда, проносясь мимо меня буйным вихрем, закручивающим в смертельную воронку. И я тут же выхожу из транса.

– Ничего, извините, – вылетаю следом за ним. И бегу... бегу на всех скоростях, потому что он ходит очень быстро. Он всегда так ходил. Импульсивный, шустрый, громкоголосый. Это всё о нём.

Нагоняю. Сердце разрывает от боли и страха.

Но я решила...

Я не могу больше молчать!

Настигаю его и незамедлительно вцепляюсь в правую руку, прихватывая за ткань чёрной толстовки.

– Что тебе от меня нужно?! – рывкает Яровой, пребывая в бешенстве. Смотрит так, словно сейчас растопчет. И меня, и моё сердце. Но я пока не готова сдаться. Нет.

– Поговорить, – шепчу, виновато на него глядя.

– Поговорить? – ухмыляется он с характерной усмешкой. – Ну уж нет, это не ко мне...

Он ещё раз обводит меня мажущим пренебрежительным взглядом. Словно выказывая мне своё превосходство и равнодушие. А внутри меня происходит извержение вулкана. Сейчас прорвёт... Точно...

Сейчас я снесу здесь всё этой огненной волной...

Он поправляет рюкзак на плече и снова разворачивается, а я всё не унимаюсь.

– Тогда что? – спрашиваю самонадеянно. Не знаю, что несёт в себе этот вопрос, но я подразумевала «Тогда что к тебе? На что я могу рассчитывать? Что ты готов мне дать?». Но естественно, я не произношу этого вслух.

– Что? – переспрашивает он в изумлении.

– Ты с ней... С Аносовой... – бормочу себе под нос, как бы жалко это не звучало. Но я не хочу скрывать боль от этого его поступка.

– Какое это имеет отношение к тебе? – грубо и скупно спрашивает с совершенно безэмоциональным выражением лица.

– Я просто хотела спросить, как ты... Как твои дела... Как... – мямлю, но он тут же перебивает:

– Жарова... Кончай ломать комедию. Я не настроен на мозгоёбства. Увы.

– Я вовсе не хотела этого, – хмурюсь и, слыша голоса сбоку, хватаю его за рукав, чтобы оттащить чуть подальше от чужих ушей. И, как не странно, он идёт со мной. Хоть и не уверена, что хочет этого.

– Тогда чего ты хотела? – спрашивает он грубым тоном, отдёргивая свою руку.

Я же...

Не знаю, что сказать. Выдыхаю. Чувствую, что внутри всё клокочет от этого разговора и того, что разрастается рядом с ним в моей грудной клетке. Ничего не прошло...Ничего не закончилось...

Я ведь вижу...Я ведь знаю.

А быть может, просто убеждаю себя в этом? Хочу в это верить, и разум выдаёт наиболее благоприятный исход...

– Зачем ты подрался с Ретушиным? – спрашиваю, глядя на него с вызовом, а он меняется в лице.

– Давай вот без этого, да? Не приплетай то, чего нет, – грубо осекает он меня, на что я фыркаю. – Он тебе даже не нравился. Помню, ты говорила так.

– Чего нет, значит...? Ладно. Видимо, только тебе можно таскаться с тем, кого ты сам же и обзывал последними словами, – припоминаю ему Аносову.

– Не нравится, что я ебу других? Это смущает? Говори прямо, – рывкает он, а я проглатываю язык. – Если так, предложи, что посущественнее и поговорим.

– О чём ты? – спрашиваю, нахмурившись.

– Брось, ты поняла меня, – с насмешкой выдаёт. Практически издевается.

– Нет, я не поняла, Гордей, объясни.

– Слушай, – отталкивается он от стены, и я вздрагиваю. А он плавной походкой приближается вплотную. – Хочешь, чтобы я трахал только тебя? Ок. Только намекни, малыш. Только скажи мне. Будем ебаться, как кролики, как ты любишь.

– Зачем ты так? – поднимаю на него взгляд, но только бешу его сильнее.

– Как? Как так?! Что опять, мать твою, не так?!

– Ты предлагаешь мне, что? Стать твоей шлюхой?! Как какая-то грязная подстилка Аносова?! Выходит, не так уж ты меня знаешь. Не такой уж ты мне друг был, раз так обо мне думаешь! – выплевываю я ему в лицо, пока вся кровь в жилах кипит. Я вся горю. От злости, от ярости, от всей этой грёбанной ситуации, в которой мы друг друга не слышим. Практически враги. Практически ненавидим. Практически убиваем, стреляя в упор.

– А всё, Жарова. Не друг, никто. Вообще, блядь, никто. И никогда больше не буду. Максимум – могу ебать тебя, если захочешь. И это всё, что я могу тебе дать. Это всё, что может быть между нами. Я больше в это болото нахуй не залезу. Ни по колено, ни по щиколотку, – заявляет он, вызвав у меня такую боль в грудной клетке, что я просто готова разрыдаться и упасть ему в ноги прямо сейчас.

Боже...

За что?

– Знаешь что... Да пошёл ты, Солнышко...Пошёл ты нахер... – бормочу себе под нос, ощущая, что кожу жжёт ядовитыми слезами.

– Сама туда пойдёшь, Жарова, – отвечает грубый баритон, и он уходит прочь, бросив меня стоять в коридоре и плакать...

Весь вечер я не могу уснуть. Вспоминая наш разговор. И больно, и неприятно, и даже страшно. Страшно, что никогда больше не почувствую ту любовь, о которой он мне буквально кричал. О которой пели птицы, о которой плакали небеса. О которой я сама каждый раз плачу...

Сжимаю в руках подушку. Боже...Как же хочется, чтобы просто обнял...

Чтобы прикоснулся как раньше...

Я бы за это всё отдала...

Всё-всё...

Лишь бы только почувствовать его тепло. Ощутить бархатный смех в своё ухо. Услышать хотя бы ещё одну историю...И не важно о чём она будет...

Мне не важно...

Я так хочу обратно.

К двум часам ночи я наконец засыпаю, но снится мне только он. Его тепло. Его неумолимая сила и взрывной характер. А потом...

Все кошмары начинаются заново... Как веретено, затягивают меня в свой круговорот.

Его отрывают от меня. Я говорю ему уйму убийственных слов, причиняя ужасную боль.

И он страдает...

Поэтому он стал таким... Поэтому...

Холодным, жестоким... Совершенно бесчувственным ко мне...

«Не друг, никто. Вообще, блядь, никто. И никогда больше не буду. Максимум – могу ебать тебя, если захочешь»...

Господи. Вынь из груди нож, прошу тебя. Больно.

Я снова в той могиле, но теперь тебя нет рядом.

Солнце моё... Мой Яр... Я буду с тобой нежнее. Буду тебе всем. Но не рви ты то оставшееся, что меня с тобой держит... Не уходи. Не бросай...

Не бросай меня!!!!

– Милана... Всё хорошо? – слышу звук открывшейся двери и встревоженный голос матери. – Ты кричала...

Боже... На теле тотчас же выступает испарина. Ощущение, что меня держали в Аду. Как хорошо, что проснулась...

Как же хорошо.

– Всё нормально, – отвечаю и отворачиваюсь, залезая с головой под одеяло. Слышу надрывный вздох и щелчок двери. Вылезаю обратно. На часах четыре сорок...

Мне так и не удаётся уснуть вновь.

Ресторан в субботу отменили из-за моего приступа, поэтому за завтраком мама сообщает мне, что мы отметим отцовский День Рождения позже. Будто для меня это имеет хоть какое-то значение. Похоже, что и для самого отца – тоже. Они давно перестали друг друга понимать. Только делают вид. Создают видимость семьи. Чёртовы лицемеры и притворщики...

Знают ли что такое любовь? Сомневаюсь...

Скупую благодарю за еду и ухожу из-за стола. Слава Богу после выхода из депрессии удалось вернуть хоть какой-то приличный вид. Хотя и не мои пятьдесят килограмм, но хотя бы сорок восемь. Я ем, как могу. Правда не всегда выходит... Вот и сейчас.

– Ты даже ничего не съела...

– Не хочу. Я выпила кофе. Всё нормально. Спасибо, – ухожу оттуда и знаю, что сегодня в четыре у меня приём у Ангелины. Вчера я не смогла пойти... Из-за встречи с Гордеем. Была слишком взвинчена и напряжена. Не хотелось случайно сболтнуть лишнего, и я сослалась на мигрень. Но сегодня всё же схожу. Для отвода глаз...

В университет привозит отец. Видит Гордея издали и недовольно отворачивает лицо. Я же...

Медленно выскальзываю из салона и иду в сторону входа. Ловлю глазами какую-то блондинку, которую Яровой тут же прижимает к себе. Кажется, она с первого курса. Симпатичная. Ему только такие и нравятся...

Вот только когда она начинает нюхать его шею и целовать её, меня словно током бьёт и разрывает импульсами сожжённое вольтажом сердце.

Я тут же сворачиваю направление, решив, что обойти корпус несколько раз до того, как они исчезнут – не самая плохая моя идея. Так и делаю. Хрущу снегом, рассматриваю серое грузное небо, в котором не то, что нет успокоения, в нём нет даже жизни. Но всё меркнет на фоне того, что творится у меня в душе.

Когда возвращаюсь ко входу уже никого не вижу. Выдыхаю от этого ужасного волнительного чувства внутри.

Слава Богу не придётся больше наблюдать это...

Господи. Я бы не вынесла.

Бегом направляюсь в нужную аудиторию, где меня уже ждёт взволнованная Саша.

– Привет, опоздала сегодня? Препад тоже задерживается, – сообщает она, пока я раскладываю вещи.

– Угу.

– Тут в общем это... Тебе просили передать, – она протягивает мне какую-то небольшую коробочку в руке, а я недоверчиво на неё смотрю.

Сердце вдруг бьётся чаще. И сосёт под ложечкой.

– Что это? – не узнаю свой голос.

– Не знаю, я не открывала...

– Он? Гордей? – спрашиваю с насадой, и она кивает.

Я же... Боюсь что-либо делать. Боюсь дышать. Смотреть тоже боюсь.

Словно с открытием этой коробки внутри случится полномасштабный взрыв.

Но я должна посмотреть.

Едва приоткрываю крышку, как понимаю, что там лежит второй лебедь. Второй лебедь, который принадлежал именно ему. Он даже не смог себе его оставить... Даже не смог передать мне лично... Просто толкнул через мою одноклассницу...

По щекам вдруг льются слёзы, а в горле образуется тугий удушливый ком. Не могу сглотнуть. Не могу даже взять силы в руки, чтобы закрыть злосчастную коробку, которая одним своим видом доводит меня до смертельных конвульсий.

Внутри не просто взрыв раздается, внутри техногенная катастрофа разворачивается...

Нет... Он точно решил меня уничтожить...

Ведь всё живое внутри умерло вместе с этим его грубым жестом...

Глава 4.

Ненавижу тебя.

Жар птица

Не знаю, сколько сил требуется, чтобы заставить себя встать и идти. Даже когда пара кончается, мои ноги меня не слушаются. Сашка что-то бормочет, а я словно нахожусь в вакууме. И как ей ещё не надоело со мной общаться?

Знаю только одно. Я должна высказать ему. Наконец собрать волю в кулак и высказать то, что сидит на подкорке. Потому как я не схаваю это дерьмо. Нет. Это трусость, это низость – вот так отдавать вещи, связывающие нас друг с другом. Исподтишка. Особенно после того, как мы с ним уже разговаривали. Это даже хуже, чем...

Чем предательство.

Считанные минуты проходят, прежде чем я вижу его в коридоре в толпе людей, которые чуть ли не задницу готовы ему лизать. Он спокойно живёт дальше. Общается с ними, обнимает ту девчонку. Бормочет ей что-то на ухо, а я иду к нему с видом палача. Ненавижу его. Так сильно ненавижу! Что хочу удушить.

Встречаемся взглядами, но не успевает он отреагировать, как я со всей дури начинаю бить его кулаками по грудной клетке. Вокруг сразу начинается гомон. Девчонки перешептываются, а парни присвистывают, когда он удерживает мои руки и сжимает челюсть от напряжения.

– Угомонись, блядь! – повышает на меня голос, а я продолжаю истерику.

– Какая же ты сволочь. Я тебя ненавижу! Ненавижу! – кричу на него, и он утягивает меня куда-то в конец коридора, после чего мы вваливаемся в пустой кабинет.

– Хрена ли ты там устроила?! У всех на глазах. Совсем дура?!

Подхожу к нему, вынимаю из рюкзака и показываю ту самую коробку, наткнувшись только на его равнодушие.

– Зачем ты это сделал? Зачем?! – начинаю снова бить его кулаками, а он просто стоит бесчувственной статуей, никак на меня не реагируя. Мне так тяжело на это смотреть, будто внутри острый наконечник, и он шевелится.

– Оно мне больше не нужно. Если и тебе нет, тогда выброси, – заявляет его холодный тон, и он снова спешит обойти меня, но я не позволяю, преграждая ему путь.

За что он так со мной? Не мог просто сам выбросить?

Нет...Он ведь специально это всё...

Хочет меня сломать. Хочет больнее. Жёстче. Чего он добивается???

– Гордей! Посмотри на меня! Посмотри, чёрт возьми! Что с тобой?! Это всё было! Всё было, как ни старайся – не вычеркнуть! Почему ты так себя ведешь?!

– Не вычеркнуть, говоришь? Ну, знаешь. Мне удалось. Я о тебе больше не думаю. Больше в голове нет одной единственной Миланы. И это злит, правда? Оооох, как это тебя злит...Ведь ты редкостная дрянь, которая не привыкла делиться...Ну, конечно... – он нервно смеётся, роняя взгляд на соседнюю стену, а потом снова смотрит прямо в душу. – Больше не подходи ко мне, Жарова. Больше не вздумай. Потому что в следующий раз я не буду так добр к тебе. Так снисходителен и так радушен. Могу и ляпнуть такое, что сломает раз и навсегда к керам. Осторожнее, Лана. С огнём играешь.

– Ты что ли пугать меня вздумал?! Думаешь, не сломана?! Думаешь, ты один здесь такой несчастный?! – во мне не просто буря начинается, а целый ураган Катрина. – Трус! Эгоист! Скотина! Ненавижу тебя! Думаешь, знаешь что такое боль?! – начинаю снова бить его, а потом на каком-то безумном адреналине хватаю эту коробку, вынимаю хрупкую статуэтку и швыряю её о кафельный пол, разбивая вдребезги. – Больно?! – кричу я, сжимая кулаки, пока он смотрит

на меня, всячески стараясь спрятать эту свою боль. Но я её чувствую. Всем сердцем чувствую. Между рёбер её сминаю.

Я знаю, что она есть. Нельзя это просто выдумать...Нельзя...

Мне так горько оттого, что он давит это в себе. Так бесконечно плохо от этого.

Я прекращаю кричать. Сжимаю в тиски все эмоции. Внутри же меня через жернова мельницы перемалывает. На мелкие-мелкие крупички разносит. А ради него я готова и на атомы разлететься. Пальцы въедаются в его толстовку сами. Нос втягивает запах, от которого тут же по всему телу волнами расходятся колющие мурашки.

Боже, я тебя люблю...Я так тебя люблю...

Обними меня...Обними...Пожалуйста, обними...

Но не успеваю я утонуть в нём, не успеваю сказать что-то ещё, как он грубо отрывает меня от себя и уходит прочь, словно действительно ничего ко мне больше не чувствует...

И это сбивает с ног. Это словно хлещет плетью. Снова и снова по тем же ранам. В мясо. В кровь...

– Гордей! – задушено и хрипло кричу ему вслед, но он не оборачивается. Уходит. Просто уходит от меня, словно не понимает, как сильно я сожалею о том, что тогда случилось...

– И как ты себя чувствуешь? Твоя мама сказала, что тот парень вернулся...Есть за что беспокоиться? – спрашивает психолог на сеансе. Я же смотрю на неё волком. Внутри плещется ярость. Я ненавижу всех и вся после того, что они с нами сделали. С ужасом осознаю, что не доверяю людям. Вообще никому. Даже себе самой.

– Обсуждаете с мамой мои сеансы...Мило, – отвечаю, растягивая губы в недовольной усмешке. Я и не сомневалась, поэтому ни хрена и не рассказывала.

– Нет, она лишь спрашивала о твоих успехах. Всё конфиденциально, – уверяет меня Ангелина, пока я пожимаю плечами.

– Вернулся да вернулся. Мне всё равно. Я ничего не чувствую.

И почему на каждом слове к горлу подкрадывается ком? Надеюсь по голосу это незаметно...

Но Ангелина смотрит так, будто знает, что я лгу. Да и пофиг. Почему я должна волноваться? В конце концов, они тоже мне обо всём лгут, я уверена.

Когда сеанс заканчивается я прихожу домой и просто торчу там до самого вечера. Сегодня пятница. И моя лента в социальной сети буквально разрывается. Конечно везде мелькает Яровой. Видео, фото. Кто-то хватает его за плечи, кричит: «С возвращением! Братка! Ты лучший!», кто-то целует в щеки, прижимается. Да и прочие неприятные вещи... Он просто нарасхват. Они все где-то отдыхают. И я понимаю, что я совсем выпала из жизни, когда мы с ним попрощались. Вообще. Напрочь.

На одной из фотографий вижу геолокацию с наименованием клуба. Долго смотрю и думаю. Сбежать через окно? Можно. Ведь на мнение родителей мне наплевать. Да и в целом на ситуацию. Раз он там развлекается, я тоже буду. Я тоже умею злить и показывать, как мне всё равно. Я тоже могу быть наглой.

Как он там сказал...

«Редкостная дрянь, которая не привыкла делиться...»

Хорошо, Гордей. Я буду такой. Раз ты считаешь, что мне идёт эта роль.

Хорошо...

Я сыграю для тебя. Отыграю так, что даже твоё каменное сердце раздавлю. Око за око, дорогой, как гласит Ветхий Завет.

Вынимаю из шкафа достаточно открытое трикотажное нежно-розовое платье. Короткое, обтягивающее. И когда облачаюсь в него, понимаю, что вроде бы всё на месте. Просто я в целом будто стала миниатюрнее. Казалось бы, куда ещё? Ярko крашусь, надевая чулки с ужасно пош-

лыми кружевными резинками, укладываю волосы, которые у меня лоснятся до самой поясицы. Сто лет не наряжалась. Да что уж там... Мне жить-то не хотелось, не то что наряжаться. А чувствовать себя красивой всё равно приятно. Значит, не так уж я умираю... Значит, что-то внутри ещё горит.

Вызываю такси. Выхожу из комнаты и прислушиваюсь.

В доме тишина, слышу только приглушенный звук телевизора из родительской комнаты, поэтому спокойно спускаюсь по лестнице. Убеждаюсь, что на пути никого нет, накидываю куртку, обуваясь и пулей выбегаю оттуда, наплевав на всё остальное. Даже на то, что поеду в клуб одна. Плевать.

Убегать оттуда всё равно в слезах. Так какая разница с кем туда идти???

Естественно, в такой толпе пока никого не вижу, зато сразу натываюсь на голодные взгляды каких-то неприятных парней, которые сканируют меня своими жадными глазами, будто пропуская через рентген.

– Познакомимся?

– Не сейчас. Позже, – сообщаю, а сама иду к барной стойке. Зову девушку бармена. Я ведь на таблетках... Поэтому обдумываю...

К чёрту!

Как там поётся... «Тоник и Лирика?».

Хуже уже не будет.

Беру себе виски с колой, вспоминая как в последний раз я снимала этот вкус с его губ. Как в последний раз вообще их касалась. Я ведь обожала его целовать...

– Приветик, – знакомится ещё один парень, появившись из ниоткуда, и я вздрагиваю. – Взять тебе ещё?

На вид достаточно крутой. Симпатичный, дорого прилично одет, что уже не пугает. Потому что порой меня немного триггерит на воспоминаниях о тех людях в доме. На их внешнем виде и одеянии.

– Да, давай, – соглашаюсь, и он маячит бармену «ещё два».

– Ты откуда такая? Не видел тебя раньше.

– А я и не была здесь раньше, – отрезаю, переняв новый стакан, и снова пью. Для храбрости.

– Нравится?

– Ну так... – оглядываюсь и наконец вижу вдалеке кучку своих знакомых. Парочку парней из футбольной команды Яра, конечно же его самого и девчонок с первого курса. На нём уже виснет какая-то другая девушка. Что ж...

Чему быть, того не миновать...

– Может понравится больше, если ты потанцуешь со мной... – кидаю этому парню, и он улыбается.

– Без проблем, принцесса. Хоть сейчас...

– Да, сейчас, – хватаю его за ладонь и тащу в центр зала. Парень оказывается достаточно статным и крупным. Широкоплеч, высок, объективно симпатичен. Грубоватые руки, но относится ко мне весьма бережно. Придерживает на каждом движении, не распускает их и не позволяет себе лишнего, но в то же время глаз с меня не сводит.

Значит, нравлюсь. Значит, неплохо выгляжу. Отлично.

– Ты красивая, – будто читает он мои мысли.

– Спасибо, – верчу перед ним своей задницей в такт музыке. Уже отвыкла что это такое. Но вспоминаю... Полгода ведь не помнила... Не танцевала, не улыбалась даже...

А тут...

Пошло всё к чёрту! И ты пошёл, Гордей! Вместе со своим чёртовым лебедем!

– Сходим потом куда-нибудь вместе? – спрашивает он, чуть прихватив меня за талию, и я начинаю скованно себя чувствовать... Но при этом не хочу портить момент.

– А как тебя зовут? – перекрикиваю шумную музыку и чуть отталкиваюсь в сторону.

– Влад.

– Влад? Хорошо, сходим, Влад, – соглашаюсь, вызвав у него улыбку, но тотчас же чувствую, как всё тело парализует.

Ох, неспроста всё это, ох, неспроста, Милана.

– Эй, друг, подвинься, – слышу я со стороны и, открывая глаза, понимаю, что Гордей внезапно вклинился к нам и оттолкнул от меня этого самого Влада.

Ну, конечно... Чёртов клоун.

Я тут же показываю этому парню жестом, чтобы подождал меня пять минут, а сама поворачиваюсь к Солнцу лицом.

– Что ты делаешь? – спрашиваю, скрестив на груди руки. – Не порти мне вечер.

– Ты чё тут вообще забыла? Родители в курсе где ты шляешься?!

– Ох, ну надо же... Яровой... Я ценю твою заботу, но хочется тебе напомнить, – подхожу к нему ближе и обвиваю его шею руками, потянувшись к уху. Почти задеваю мочку губами, чтобы сильнее спровоцировать. – Я тебе никто, блядь. Вообще никто. Поэтому бери свои претензии, заверни их в платочек и сложи под кровать к остальной соплятине, которую ты хранил у себя дома. А если не надо, можешь выбросить её. Мне всё равно. – выдаю жёстко и совершенно беспринципно, а потом разворачиваюсь, чтобы уйти.

Не знаю, как мне хватило смелости, но он дёргает меня за руку обратно, отчего я буквально падаю на его грудь.

– Ты бухала? – спрашивает, заглядывая мне в глаза.

– Тебе какое дело? Иди к своим потаскухам на один раз. А меня не трогай! – пытаюсь вырваться из его хватки, но Яровой не отпускает. Буквально удерживает меня перед собой.

– Возможно, я хочу с тобой этот один раз. Что скажешь?

– Скажу – иди к чёрту!

– Предсказуемо, Жарова. Долго ты будешь ебать мне мозг? Ты же специально сюда приперлась. Провоцируешь назло мне.

– Думай, что хочешь. А я пошла к Владу! – цежу я и почти выбираюсь, но Гордей поворачивается к этому парню и прямым текстом шлёт его на три буквы, утаскивая меня за руку вглубь зала. – Какого хрена, Гордей!?

– Чё ты добиваешься?! – смотрит он волком. – Хочешь, чтобы тебя отсюда вывезли куда-нибудь в неизвестном направлении? Мало тебе было того раза?! – рявкает он, а у меня все жизненные показатели резко стремятся к нулю. Подбородок и губы дрожат, сердце колотится. И от этих слов я, ощущая горечь и обиду, тут же ударяю его по лицу.

– Заткнись, не смей подходить ко мне, понял?! – грубо отсекаю я, когда он смотрит на меня покрасневшими глазами.

– Если уйдешь сейчас к нему, я позвоню твоим родителям. Позвоню и скажу где ты, Милана, – угрожает он, а я не верю своим ушам. Вот ведь скотина... Сволочь! Урод!

– Тот раз. Тот самый раз произошёл, потому что ты нас туда привёз, – тычу на него пальцем. – Ты! Ты! Ты! И если считаешь, что вправе напоминать мне об этом, то одна я жрать это не собираюсь! Ты тоже будешь, понял?! Ты будешь жрать это так же как я жрала все эти полгода, грёбаный ты козёл!

Гордей обхватывает мою руку. Дышит тяжело, рвано и глубоко. Он злится. Я ведь чётко знаю его эмоции.

– Поехали, – не успеваю я опомниться, как он грубо тащит меня к выходу, пока я семеню за ним маленькими шагами и чувствую, что мои глаза снова слезятся.

– Отпусти! Гордей, отпусти! – едва успеваю что-то бормотать, как дверь его машины открывается, и он заталкивает меня внутрь салона. – Что ты собираешься делать? – спрашиваю, когда он садится за руль.

– А разве непонятно? Отвезу тебя домой. Потому что ты уже успела набухаться, блядь.

Сижу и злюсь на него. Потому что я не пьяная. Потому что просто злая. Возможно, последствия приёма таблеток с алкоголем, не знаю. Эффект домино. Всё вокруг рушится, и я не успеваю спасти хотя бы какие-то остатки. Мы ломаем друг друга, уничтожаем, словно солнечная радиация монументы. И остаются только руины...

Всю дальнейшую дорогу едем молча. Я и он, сжимающий руль так, словно мысленно душит кого-то. Сглатываю, когда останавливается возле моих ворот. А уйти не могу... Не могу, хоть ты тресни...

– Скажи мне честно, Гордей... Неужели ты... Совсем ничего...

– Иди спать, Милана. И не шатайся больше по таким местам, – командует он, перебивая.

– Но ты продолжишь шататься, я правильно поняла?! – выкрикиваю с нотками истерики.

Бесит. Просто дико меня бесит!

– Ты правильно поняла, потому что мне надо ебаться, уж извини за откровенность, – цедит он таким тоном, словно открыл мне Америку.

– Тоже мне откровение. Ты как был озабоченным придурком, так и остался, – грубо отвечаю, и чувствую, что просто готова разорвать его от ревности.

Ну что же это такое, чёрт возьми?! Почему... Почему я так к нему привязана... Почему так сильно люблю?

– Можешь не переживать. Озабоченный придурок больше тебя не задерживает, – указывает он на дверь стальным взглядом.

Понимаю, куда он сейчас поедет. Не дура ведь.

Всё, блин, понимаю. Грудная клетка вздымается. Руки трясутся. Всё внутри взрывается, как при бомбардировке.

– А если... Если я готова сейчас провести с тобой ночь, ты не вернешься туда? Ты... Не будешь... Ты... – задыхаюсь, на что он поднимает брови в изумлении.

– Проведешь со мной ночь? – спрашивает, ухмыляясь. – Говори конкретнее. Провести ночь можно по-разному.

– Я о сексе, Гордей, – обрубаю я его издевательства на корню. А он смотрит так, словно вообще не ожидал от меня такого. Надеюсь, я не слишком низко пала. А что, если он сейчас скажет что-то вроде «ты меня не интересуешь, я тебя не хочу». Я тогда окончательно сломаюсь... Я просто умру.

– Серьёзно? – спрашивает весьма сдержанно. Удивлён, но спокоен.

Я же вся дрожу. Меня словно окатили ледяной водой, но мне не холодно, а просто трясёт.

– Да, серьёзно... – отвечаю, сжав руками кожаную обивку сиденья до побелевших костяшек. Он рассматривает меня в темноте и словно думает. Молчит около минуты и барабанит по рулю, а потом снова заводит машину.

– Куда мы? – спрашиваю, когда он начинает движение.

– Проводить ночь, ты же сама предложила... – ровным тоном отвечает он, а я продавливаю спинку сиденья, пока моё сердце в груди плавится как восковая свеча... Завтра оно застынет снова... Но сегодня. Сейчас. Я продолжу гореть и тлеть от своего Солнца...

Глава 5.

Не волнуйся. Я раз увидел – на всю жизнь запомнил.

Солнышко (Яр)

Кого я, блядь, обманываю? Не прошло...

Нихрена не прошло, сколько бы не выдавливал. Сколько бы не выпихивал из себя. Не могу забыть.

Один взгляд. Один. И все щиты роняю, словно тараном меня берут. На колья сажают. Всполохи зарницы по всему телу разбредаются. Загораживают своими масштабами, да вот только боль причиняют неистовую. И сердце в клочья. Вдребезги меня разбивает.

И ведь знает, как надо. Знает, что не смогу просто смотреть как кто-то её касается. Как кто-то лапает. Особенно после того, что произошло...

Полгода пытался всё перечеркнуть. Казалось бы, нормальный срок.

Для того чтобы выйти из больницы полностью заштопанным. С переломанными руками и ногами. Собраться заново по частям, после того как чуть не сдох в кювете на трассе. Недельку провалялся в коме. Да и не хотелось жить вовсе. После того, как бросила меня как осушенную банку колы на дороге.

После того как уничтожила всё, что считал своим миром.

А потом заново родился, как врачи сказали. Чудо, блядь...

Да какое уж тут чудо?

Долгая реабилитация в Израиле, практически все три месяца в адских болях. Родители написали в универ заявление, отдали все справки.

Я же...

Не жил всё это время.

Подышал... Не стал даже восстанавливать телефон. Да мне вообще не до него было. С поломанными загипсованными лапами кое-как держал сраную ложку. Постоянно спрашивал у матери, как она там... Не приходила ли. Надеюсь, как последний щенок, потому что думал, что любила тоже. Думал, что отойдет, но...

Ничерта...

А теперь её это: «Если я готова сейчас провести с тобой ночь, ты не вернешься туда?».

Говорил же... Не умеет делиться.

Самой хочется всем управлять. Будто я – её личная вещь. Будто только она может вертеть мной как вздумается. Но прошло то время, Милана... Оно, нахрен, прошло.

Я проведу с тобой ночь, проведу. Только не так как ты привыкла, малыш. Я вообще больше таким ни с кем не буду. Хочешь ощутить себя шкуркой? Ощутишь. В полной мере, блядь, ощутишь. Так же, как и я себя ощущал. Брошенным. Раздавленным. Униженным.

Ты ведь это со мной сделала. Ты. Любимая лучшая подруга.

Тринадцать лет мне душу выворачивала. Тринадцать сраных лет мучила.

А я за тебя готов был убивать. Да хули там... Убивал. Землю бы грыз. А ты ноги вытерла.

– Мы что к тебе домой? – спрашивает испуганно. – А как же родители?

– Нет их, они в отъезде...

– Понятно... Значит, ты бы привёз туда кого-то другого, – констатирует она, будто бы задумавшись.

– Возможно, – отвечаю, пожав плечами. Срать что она там подумает. Хотя я бы, скорее всего, просто присунул той девке в тачке и спокойно поехал спать...

Скорее всего – потому что не знаю, как бы было. Не трахал никого после неё. Просто не трахал, блядь. Сначала физически не мог шевелиться, а как одыбал, душа не позволяла. Противилась. Настолько, что как до дела доходило, становился пружиной. Все рецепторы взрывало

внутри. Как спусковой крючок. В каждом глазе пытался её увидеть, а как не видел – злился. И всё...Отпускало. Не шло дело. Не мог.

С ней хотел? С ней душа хочет? Чёрт его знает, что внутри творится.

Порой одним взмахом ресниц меня так дербанит, что места живого не остаётся. Пространство вращает, время останавливает. Все вселенские законы осмеивает, будто и нет их вовсе, когда она того хочет.

Взмыленный этой борьбой с самим собой изнываю. Воюю ежедневно со своими же чувствами. До сих пор пытаюсь их вычлениить, но это задача не из лёгких. А, скорее, из самых сложных в моей жизни.

Если снова впущу, если снова поддамся – не просто себя проиграю, а уничтожу. Потому что если потеряю её во второй раз, уже не справлюсь. Попросту не выживу. И я так решил...

Не будет больше в моём сердце любви. Не место ей там. Теперь оно колючей проволокой перетянато, чтобы не было возможности сдвинуться и биться чаще. Потому что с каждым таким биением боль усиливается, напоминая о том, как может быть и чем всё закончится.

Но раз она желает провести со мной ночь. Без проблем...

Дальнейшую дорогу едем молча. Милана тяжёлая на подъём. Очень растерянная и забитая. Однако у меня не хватит ресурсов как-то её уговаривать или притворяться. Я такой какой есть. Разбитый и сломанный. Склеивать себя супер клеем абы как не собираюсь.

– Гордей, – выходит она из машины, окрикивая меня, когда я уже открываю ворота гаража.

– Если спрыгнула, обратно не повезу, в клуб поеду. Тебе такси вызову, – отвечаю холодно, на что она ещё сильнее расстраивается.

– Нет, я...Я не спрыгнула...

Голос дрожит, а она перебирает ноги.

– Что тогда? По пьяни пизданула?

– Нет...

– Сколько ты выпила?

– Два стакана виски с колой. Всё уже...Хммм...Выветрилось...

С какой целью вообще спросил? В принципе мне всё равно пьяная она или трезвая. Вообще сейчас непонятно что испытываю.

– Прекрасно, тогда проходи к крыльцу. Я сейчас, – сообщаю ей, и пока она уходит туда, загоняю тачку внутрь.

Не знаю, какого чёрта творю...Зачем?

Сам отвечаю себе на этот бессмысленный вопрос.

Паталогическая зависимость от её тела. Вот что это такое. Она здесь ни при чём. Просто химия. Запахи...Просто влечение. Похоть. Секс.

И ничего больше.

– Проходи, – открываю ключом дверь и запускаю, включая в прихожей свет. Миланка же тут же застывает на входе, и вся сворачивается словно в клубок как маленький ёж. – Смелее. Не ссы.

– Так давно здесь не была...

– Ничего особенного, – пытаюсь убедить больше себя, чем её. Ведь не приводил никого домой. Не хотел. Даже не было мысли об этом.

Она разувается, снимает свою куртку и проходит дальше, пока я заставляю себя врубить муздака. Хватит пресмыкаться перед ней. Хватит сдерживаться.

– Поднимайся в комнату, – холодно кидаю ей, а сам уже иду наверх. – Душ? Уборная? Что-то хочешь, прежде чем мы начнём трахаться. – говорю без прикрас. Как есть.

– Нет, – отвечает она, нахмурившись. Идёт за мной, и вся трясётся, словно до сих пор девочка. Не знаю уж был ли у неё кто-то за это время. Вообще не в курсе чем жила. Да и не хочу как-то знать. Зачем мне это?

Только раны беречь. Раз так легко в клубе жопой вертит и знакомится со всеми подряд, значит, по-любому что-то с кем-то уже было. Я в её дарё ебать мужикам мозги ничуть не сомневаюсь. Она способная. На крючок садить умеет. Даже более чем.

– Раздевайся, ложись, – бросаю абсолютно равнодушно, пока она обхватывает себя руками, словно её морозит.

– Мы можем немного поговорить? – спрашивает в отчаянии, а мне хочется завалить её на кровать. Желательно лицом в подушку и молча драть, чтобы вообще забыла, как разговаривать. Чтобы даже не думала в душу лезть, как раньше.

– Нет, малыш, я не буду с тобой разговаривать больше, – подхожу к ней и осматриваю её платье. Замка нет. Значит, обыкновенно стащу, через ворот. Только вот едва касаюсь бедра, она дышать так испуганно начинает, словно я ей плохое что-то сделать собираюсь. – Милана. Если не хочешь, ты вправе уехать. Вот и всё. Никто тебя не заставляет.

– Нет, я хочу. Поцелуй меня, Солнце, – просит она, стреляя мне прямо в голову одним прицельным.

Вот ведь стерва...

Ненавижу.

– Нет... Увы, но целовать тебя я больше тоже не стану, – отвечаю, более грубо притискивая к себе податливое тело. Тяну выше платье и понимаю, что она в чулках...

Пиздец...

Убить решила? Вот так сразу...?

Стягиваю розовую ткань вверх и конечно меня всего прошибает разряд высоковольтного тока. Не нервы, а оголенные провода... Разве могло быть иначе?

Передо мной ведь Милана Жарова собственной персоной, практически голая. Со слегка взлохмаченными волосами, которые я тут же аккуратно поправляю, стараясь не смотреть ниже. Потому что, вероятнее всего, просто начну целовать её в губы... А это чревато...

– Можно я хотя бы... – она тянется ко мне в одном нижнем белье и виснет, обвивая шею руками внахлест. Прижимается носом к шее. Эти запрещенные приёмы... Будто нейротоксины проникают под кожу, долбят по венам, а затем и вовсе поражают всю нервную систему. Разрушают до основания. И я начинаю инстинктивно бороться, возрождать бдительность и защитные реакции, потому что стоит только слегка дать слабину... Только чуть сдвинуть назад. И всё... Меня расплющит, сметёт, придавит тяжёлым грузом старых чувств, которые я столь тщательно гасил и вытравливал из своего поврежденного организма.

Чёрт. Нахрен.

Если не прекратится сейчас, то я свихнусь раньше.

Не слушая её всхлипов, переваливаю на кровать и за секунды освобождаю от лифчика, буквально сразу же набросившись на её грудь...

Как только касаюсь губами и языком бледной кожи, чётко ощущаю, что уже в капкане... Она стонет, а я...

Блядь, я снова теряюсь в ней.

Снова проваливаюсь, словно в трясину. Охренеть, как затягивает в этот смертельный водоворот. Первая любовь никого не щадит. Она нихрена не милосердна. Способна все внутренности выпотрошить и оставить пустым, словно сраный контейнер.

Сам же впервые в жизни тянусь к выключателю. Не хочу видеть её глаз. Не хочу, настолько всё болит. Да и шрамы эти на всё тело. Знаю, что не скрыть, да и похрен. Не хочу я на неё смотреть. Просто не хочу. Не выдержу.

– Оставь... Яр, оставь, – просит она, прижимаясь ко мне, на что я рвано выдыхаю.

– Если я оставлю, буду драть тебя только раком. Выбирай сама, – цежу сквозь зубы и вижу, что она реально намеревается плакать, но её рука сама тянется выключить свет. Как бы больно не было нам обоим, я больше не стану никого жалеть.

Свет меркнет.

И даже в проклятой темноте я знаю, как она выглядит. Руки помнят наизусть её тело. И она трясётся, сжимается подо мной, возможно, плачет. Это, блядь, режет без ножа. Обездвиживает.

– Жарова, я не хочу ощущать себя насильником. Это стрёмно. А ты, мягко говоря... Зажимаешься.

– Я просто хочу, чтобы ты был другим, – тонким измученным голосом говорит она, на что я разочарованно откидываюсь на спину и смотрю в потолок.

Как же всё заебалось... И эта боль внутри, которая никак не отпускает.

Раны зажили, а душа – падлючья стерва. Ощущение, что на ней образовалась гангрена. Вскоре её и вовсе из меня ампутируют.

– Я не буду другим, Милана. Если не готова на это, ничем не могу помочь.

– Почему? Потому что не любишь меня больше? – спрашивает она, уткнувшись лбом в мой лоб. Сцепив руки в замок за шеей, внаглую наваливается на меня и смотрит своими омутами прямо в душу.

Знает в какие сакральные дебри лезть, чтобы вывести меня из строя окончательно. Всегда знала, вот и сейчас...

Дышим оба громко. Прерывисто. Невыносимо.

Чувствую её запах и растекаюсь под ней, закрывая глаза. Ощущаю, что сердце делает такие кульбиты, от которых всё тело на виражах подбрасывает, словно мы тут на американских горках.

А всё потому что это она...

Не люблю... Не люблю... Я её не люблю...

– Да, поэтому. Потому что не люблю больше, – шепчу ей в губы. – А ещё мне наскучили эти разговоры. Мы трахаться будем? Или мне возвращаться в клуб?

Ощущаю, как Миланка психованно приподнимается. Думаю, что начнёт одеваться и уйдет к чертям отсюда, наплевав на договоренность, но она начинает снимать с меня одежду. А я при этом тянусь к её чулкам и трогаю стройные ноги, ощущая её пальцы на своём теле.

– Тебе идёт... – выдаю так хрипло, что голос свой не узнаю.

– В темноте ничего не видно, – делает она заключение.

– Не волнуйся. Я раз увидел – на всю жизнь запомнил, – отвечаю, когда её ладони снимают с меня последнюю деталь гардероба. Хоть бы не надумала ничего из-за этих моих слов. Вышло уж больно сопливо... – Иди сюда... – заваливаю её на лопатки и начинаю целовать её тело. Тереться щетиной о торчащие соски. Лизать их, кусать, мучить. Она стонет, шумно дыша и хныча на весь дом, как одержимая, а я грубо обхватываю её и заставляю сесть мне на лицо. Так, чтобы она оказалась ртом к моему члену. – Соси... – командую, продолжая трахать её языком и рассматривать. И сам-то таю от этих взаимодействий, ведь она пиздец какая сексуальная. Даже если стала чуть хуже... Всё равно идеальная. И всё это для меня – ёбанная сердечная пытка. А уж когда она начинает столь нежно и ласково вытворять свою любимую дичь с моим членом и яйцами, я совсем куда-то проваливаюсь. Мысленно фиксирую каждое движение, будто хочу навсегда запомнить. Одержимый ею. Чёртов собственник... Будто маятником в висках её имя отстукивает. Звонко и громко звучит. И не спрятаться, не скрыться.

Если сейчас не решусь, то расклеюсь...

Возьми себя в руки, Яр. Это уже не смешно, блядь.

– Помнишь, ты хотела жёстко. В глотку. Ещё хочешь? – спрашиваю, пока она стонет от движений моего языка и пальцев. – Я – да. – добавляю, в ожидании, когда она получит оргазм.

И это совсем не так долго, как может показаться. Она быстро со мной кончает. Так быстро и мощно, что я и сам уже на грани. Пульсирует, топит меня своей природной чувственностью, оглушает. Накаляет до предела. Я в мгновение ощущаю, что ещё сильнее возбуждился. Вся имеющаяся кровь вниз приливает, кажется, вместе с мозгами. Член дёргается до болезненной ломоты. Перевозбуждение – такое, зараза, изнуряющее и сверлящее действо.

– Да, хочу, – выдыхает она, выпуская мой член из рук. Честно, этим приятно удивляет меня и будто покорно ждёт продолжения, сползая на край кровати.

– Делала так с кем-то? – спрашиваю, на что она несколько секунд молчит. Словно язык проглотила, но потом практически измученно выдаёт горькое:

– Нет.

Сказала бы «да», не знаю, что бы со мной было. Не знаю, как бы вообще отреагировал на что-то подобное... Даже думать не хочу.

– Ладно, учту, – отвечаю, притягивая её к себе и переворачиваю на спину, заставляя слегка свесить голову вниз. Сам же встаю напротив. Блядь...

Дай сил вытерпеть это...

– Расслабь горло... – легонько надавливаю на её шею. – Я начну входить... А ты... Вытяни губы и просто расслабься на максимум. Доверься.

– Хорошо, – дрожит она, и я глажу её грудь, зацепывая соски, отчего она елозит ногами по кровати. Трясёт её немыслимо. Трепетно вздымая грудь, вперёд подаётся, издав громкий стон.

– Ты потечёшь... Сильно потечёшь...

Как будто я её не знаю... Да она уже вся мокрая насквозь.

Хочу разозлиться, чтобы трахнуть сильно и больно, чтобы горло нещадно драло. А всё равно совесть не позволяет. Аккуратно вхожу... тем более, поняв, что и не сосала она похоже никому кроме меня с того раза.

Толкаюсь в её рот и уже перед глазами искрит.

Это ж сколько нужно трахать других, чтобы достичь хоть чего-то подобного?

Хер знает... У меня так и не вышло... Только с ней так капитально разматывает.

– Дыши носом, расслабься...

Ещё глубже. Ещё больше слюней. Так, что она давится. И мне, блядь, не просто нравится. Я, сука, в восторге от этого.

Сама ведь хотела. Сама просила...

Не жалеть, не думать, просто трахать...

Гордей, просто трахай её.

Как могу программирую себя на эту жёсткую и грубую еблю. Не уверен, что получается совсем уж беспринципно, но Жарёха дышит так, словно находится на грани выживания. А через ещё несколько секунд я просто нагло кончаю в её глотку, удерживая член так глубоко, как она это позволяет физически.

– Бля...

Не хочу комментировать. Само вылетает. Хотя я никогда больше не скажу, что секс с ней – лучший в моей жизни, но это, блядь, к сожалению, так.

Бесспорно, она молодец. Позволила. Расслабилась. Отдалась. Только мне от этого не легче.

Она касается меня в темноте, как только сажусь рядом на кровать.

– Что это? – проводит пальцами по моей коже. А точнее, по жутким шрамам на моей спине.

– Ничего, – отвечаю и иду к окну, взяв со стола сигареты. Замираю и дымлю, глядя на луну. Милана шуршит одеялом. Нутром чувствую, что собирается идти ко мне.

– Ты можешь хоть немного со мной поговорить? – спрашивает уже на полпути, и я быстро тушу окуроч, наблюдая за ней. Точнее, за очертаниями фигуры в темноте комнаты.

Сколько раз она мне вот так мерещилась?

Тысячи... И ни разу это не было правдой...

А сейчас...

– Хочу тебя трахать... – заявляю, надвигаясь на неё и притягивая к себе обмякшее тёплое тело. Провожу рукой по внутренней стороне бедра. – Я ведь говорил... – собираю пальцами щедро выделенную вязкую смазку. – Вся протекла... Понравилось?

Она не отвечает. А я толкаю её на кровать, отбрасывая покрывало в сторону. Наваливаюсь сверху, смотрю на неё и тянусь за презервативами. Она не останавливает, да и я думаю, что вряд ли доверяет мне после всего. Хотя я и не трахал никого... А без резинки... В принципе за всю жизнь только её.

– Раздвинь шире... – командую и мечтаю вторгнуться в неё одним рывком, но... Уже в самом начале понимаю, что вряд ли мне удастся сделать это дерьмо... Потому как девочка, кажется... Блядь... – Милан... У тебя что... Никого не было это время?

– Нет, – шелестит она, трогая мою спину. Ведёт прямо по шрамам, и я понимаю, что специально именно их трогает. На каждом касании меня током бьёт. А от её ответа вообще хреново становится. Сглатываю.

Блядь... Почему внутри всё умирает?

Мне было бы проще если бы она оказалась блядью? Нет, не было бы...

Но я не могу больше ей открыться. Я больше не смогу чувствовать это дерьмо снова. Столько едкой, обволакивающей, съедающей корни боли. Когда веришь человеку всей душой. Когда хочешь быть для него всем. Когда он – твой мир... А потом он этот твой мир разрушает прямо на твоих глазах. Это не лирика, это не хуева её книжка с любовными историями...

Теперь я это знаю, потому что кровью умылся. И ненавидел, ненавидел так, что не хотел знать.

Так почему же я снова в гуще этого Ада? Почему осознание, что у неё никого не было, снова мает и ломает, будто вшивую доску пополам...

– Ладно... Мы тогда... Аккуратнее... – растерянно бормочу, прижав её к себе ближе. Медленно вхожу. Аккуратно. Чувство, будто снова ей целку сбиваю.

Трэш, блин... Воспоминания эти.

Просто буром меня изнутри хуячат.

– Не больно? – спрашиваю, вставив практически до упора. По самые яйца вхожу. Плавно, естественно, но всё равно жутко страшно. Снова, блядь...

– Нет... Нет, всё хорошо, продолжай.

Миланка жмётся ближе. Пытается обвить меня полностью. Руками и ногами. Носом по шее моей бродит, задевая все самые важные нервные окончания. Да хули там... Она душу мою задевает.

И у меня внутри дико щемит. Так, блядь, хреново, что и словами не передать...

Нет, конечно, физически хорошо, но...

Остальное...

Отстраняюсь от неё, сгибая её ноги в коленях, придавливаю к груди, а сам вытягиваю корпус, чтобы меньше касаться. Чтобы не быть лицом к лицу, начинаю её трахать. Такая узкая, с ума сойти. Она скулит, хнычет, извивается, пытается взять хотя бы мои руки, но я не позволяю. Единственное наше место соприкосновения – гениталии. Пусть так и остаётся.

Трогаю её параллельно. Ощущаю, как пульсирует. Как стонет и отрывисто дышит. Как набухла и как течёт. Словно меня ждала... Словно сама пиздец как хотела этого...

Вдалбливаю сильнее, растягиваю, надавив на самый сокровенный участок, и теряюсь в эмоциях. Они зашкаливают, потому что Жарёха снова кончает... Протяжно всхлипывает,

покрывается крупной судорожной дрожью. В похоти своей меня топит. Так сладко промежностью сдавливает, что я весь испариной покрываюсь. У меня всю поясницу шальной волной окутывает, будто я впервые вообще ебусь. Будто девственник.

И я сразу же следом за ней взрываюсь, поскольку доит меня просто неистово. Сокращения такие, что член пыткам подвергается. И я балдею от этих её спазмов. Балдею от того, насколько она тугая. Какая, блядь, недоступная. Непорочная. Моя...

Моя... Снова проклятое притяжательное местоимение, которое хочется использовать только с ней.

На автомате падаю рядом, вдыхаю запах. Кое-как себя сдерживаю, чтобы не прильнуть к ней губами... Чтобы не зацеловать...

Выравниваю дыхание... Дышу... Чувствую, что и она вся не здесь сейчас...

Не знаю, что в душе. В моей точно потёмки.

Я не люблю её. Не люблю.

– Гордей... – произносит она совершенно несчастным голосом. – Если мы... Если мы будем спать вот так... Ты можешь пообещать мне, что не будешь при этом с другими... Что ты только со мной...

В голосе одна сплошная боль. Но я не чувствую её жалкой, нет.

Я чувствую её травмированной. Такой, каким я сам рядом с ней стал. После всего, что случилось с нами тогда...

Я ведь и сам умру, если увижу её с другим. Дьявол... Что за бесконечная адская гонка за болью?

Не хватит ли хавать её лопатами, друг?

Слегка откидываю руку и позволяю ей прижаться ко мне. И она тут же утыкается носом в мою подмышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.